

В КЛИМОВИЧАХ БЫЛО ТАК*

С детства я знал, что у меня есть только одни дедушка с бабушкой, мамини родители, а папиных нет — их убили фашисты. И маленьких папиных братьев, моих дядей, которым было тогда лет меньше, чем мне, то же убили. Убили вместе со всеми евреями маленького белорусского городка Климовичи, где они жили всю жизнь. Дедушка на самом деле был родом из соседнего Хотимска, но оттуда ему еще до революции пришлось бежать, потому что он был в еврейской самообороне и, защищаясь от погромщиков, ударил одного из них железной палкой. В 41 году палка уже не помогла бы, да и бежать было некуда...

Как это все произошло? Как можно убить полгорода? Как можно дать себя убить?

Ответить на эти вопросы не мог ни отец, который всю войну был на фронте, ни книги о войне, где написано о солдатах и партизанах, о еврейских гетто больших городов и лагерях смерти, но только не о том, что происходило в сотнях и сотнях местечек бывшей черты оседлости. Неужели история этих трагедий канет в Лету и нет способа ее сохранить? Оказывается, есть. Надо просто сесть в поезд, приехать туда, расспросить людей и записать их слова. О Климовичах мне рассказывали 30 человек. Не евреи и евреи, чудом выжившие, и их родственники, свидетели и те, кто успел эвакуироваться. Теперь мы знаем, как исчезли евреи из Климовичей.

Городок этот лежит на самом востоке Белоруссии в ста с лишним километрах от Могилева, недалеко от границы со Смоленской и Брянской областями. Бывший уездный город, ныне районный центр, имеет свою историю — первое упоминание о нем датируется 1581 годом — и свой старинный герб, на котором изображена золотая пчела на голубом фоне в знак обилия в уезде меда. По свидетельствам современников, Климовичи принадлежали "к беднейшим городам губернии и выделялись из их числа лишь садом, заложенным в 1872 году, который мог бы украсить губернский город". В уезде было развито винокурение и садоводство, а также лесоперерабатывающая промышленность. Предпринимателями являлись почти исключительно евреи, покупавшие лесные участки на сруб у помещиков. В 1880 году в Климовичах проживало 1466 женщин и 1531 мужчина, из них 731 еврейка и 853 еврея. Еврейское население, таким образом, составляло немногим более половины, но лишь 210 из 534 домов принадлежали евреям, т.е. в каждом еврейском доме жило почти в два раза больше людей, чем в нееврейском (7,5 и 4,4 чел. соответственно). К 1913 году население города примерно удвоилось и евреи по-прежнему составляли около его половины: 3,4 тыс. из 6,7 тыс.

Первая мировая война, отмена черты оседлости, революция и Гражданская война примерно вдвое снизили темпы роста населения и изменили соотношение национальностями — по данным переписи 1926 года евреев уже одна треть — 2,6 тыс. чел. из 7,6 тыс. О том, сколько их было среди 9,6 тыс. климовчан, живших в городе к началу Второй мировой войны, данных нет. Скорее всего, это число 2,6 тыс. человек

* © Все права сохраняются за автором.

не увеличилось — из большинства райцентров Белоруссии в предвоенные годы продолжался отток еврейского населения, в основном молодежи, в крупные города.

Занимались евреи в послереволюционное время, как и испокон века, всеми возможными ремеслами: были среди них мясники и сапожники, портные и извозчики, торговцы и кожевники. Кузнецы же были почти исключительно евреи; когда русские спрашивали их, откуда они такие здоровые, им отвечали: "Оттого, что едим кашерное". Работали евреи также на двух городских заводах — спиртовом и силикатном. Появилась возможность заняться и сельским хозяйством: на окраине города находился поселок Михалин, состоявший из двух частей — спиртзавода и сельскохозяйственной артели "Энергия". Эту артель образовали 50 еврейских семей, которым вскоре после окончания Гражданской войны по их просьбе было передано бывшее имение помещика Шацкого. Жили очень хорошо, много работали, лентяев исключали, попасть в артель было непросто. На собраниях сами решали все вопросы, сверху никто не давил. Успехи в сельском хозяйстве, прежде незнакомом, объяснялись, по словам одного из свидетелей, тем, что у многих евреев из артели были знакомые мужики из окрестных деревень, с которыми советовались. В 1933 году после коллективизации к артели хотели присоединить русские семьи и преобразовать ее в колхоз "Карл Маркс", но эта попытка оказалась не удачной: русские вскоре отделились и образовали колхоз под этим же названием.

Светское образование в Климовичах получали в одной из 2-х семилеток, в десятилетке или в еврейской школе, куда отдавали своих детей очень неохотно даже ортодоксальные родители. Дело в том, что, во-первых, там была сильнее антирелигиозная, точнее антииудейская, пропаганда, а во-вторых, знаний, полученных в этой школе, особенно по русскому языку, было недостаточно, чтобы потом поступить в высшие учебные заведения. В 1933 году приезжали набирать в Могилевский еврейский сельскохозяйственный техникум, выпускников которого направляли в Биробиджан. На тех, кто идти не хотел, пытались воздействовать по комсомольской линии — угрожали исключением, у Бомы Миндлина даже отобрали на время комсомольский билет.

До 1917 года в городе было 5 синагог — 2 хасидские и 3 миснагидские. Во время кампании по борьбе с религией в конце 20-х годов главную хасидскую синагогу на Зеленой улице превратили в Дом культуры, а миснагидскую на Комсомольской — в детскую техническую школу. Тем не менее, религиозно-общественная жизнь продолжалась. В город приезжали известные канторы Матусов, Бобрик, которые не только участвовали в молитвах, но и давали платные концерты; часть детей, как и прежде, продолжала учиться в хедерах, только теперь уже тайком.

Монес Хазанов:

— Я учился у меламеда Пейши. Один раз хедер обнаружили, инспектор пришел. Дер ребе от гезогт: "Анклейфт!"¹ и мы разбежались.

Многие из климовических евреев, с которыми я встречался, вовсе не похожи на толстых самодовольных богачей и жалких забитых бедняков, которые смотрят на нас со страниц многих книг о еврейских местечках. Напротив, это люди энергичные и деятельные. Было среди них в то время много настоящих хасидов, но были и активисты-комсомольцы. Глядя на них, городской шутник Меер-Каток скептически качал головой: "Ир клапт латкес? — Варт, варт, ирт клапан коп он вант!"². И у многих были поводы вспоминать эти слова.

Отец рассказывал мне, что в 1928 году начали раскулачивать, кооперировать кустарей. У наиболее имущих конфисковали дома и ценности. Пришли и к ним. Дом был большой, но восемь человек детей, поэтому конфисковали только дедушкину шубу. Хотели увести единственную корову, так дети бросились с милиционером в драку и оборвали ему пуговицы — и корову отстояли.

В начале 30-х годов разразилась "золотая лихорадка".

Бома Миндлин:

— Во время кампании по изъятию золота над людьми издевались, выгоняли на мороз, держали в битком набитых камерах. Отец Изи Баса, парикмахер, не выдержал издевательств и повесился. Заправлял всем этим начальник НКВД Гвоздев, толстый, с большим маузером на боку.

Позднее выяснилось, что Гвоздев усердствовал не совсем бескорыстно: часть золота присваивал себе, и в 1935 году его расстреляли.

Раскулачили в 1929 году и семью евреев-крестьян Линьковых, которые жили в деревне Гиревичи недалеко от Климовичей. Отец через год от горя умер. Незадолго до войны они переселились в Климовичи на ул. Колхозную. На соседний участок перевозили из деревни свой дом русские Комковы, и пока он не был готов, жили у Раи Линьковой и ее мужа Левы Каца, семьи подружились. Да и вообще, все еврейские свидетели вспоминают, что никакой особенной национальной вражды или антисемитизма до войны не было. Ну, бывало, подростку, который глазееет, как режут свинью, вымажут губы салом, но не более того.

Составляя значительную часть населения города, евреи не чувствовали себя меньшинством. В то время смешанные браки были не часты. На не еврейках женились работники райкома комсомола: Залман Берлинский и Юзик Курбацкий, коммунист Борис Чемоданов. С 1930 года в Климовичах стоял 10-й саперный батальон и несколько русских девушек вышли замуж за военнослужащих-евреев: Полина Стельмакова — за комиссара С., Татьяна Немкина — за музыканта Григория Фельдмана. Примечательно, что во всех смешанных семьях евреями были мужья, лишь одна еврейка вышла замуж за русского — фельдшера Боброва.

В 1939 году началась Вторая мировая война. Многих молодых парней забрали в армию, в городе появилось несколько беженцев из Польши. Они уже испытали на себе, что такое "новый немецкий порядок" для евреев и, как только Гитлер напал на Советский Союз, эвакуировались на восток. Почему же евреи Климовичей им не верили? Почему не поехали вместе с ними, почему не спаслись от верной смерти? Ответов на этот вопрос несколько.

Во-первых, люди не знали, что им грозит. До июня 1941 года антисемитизм фашистов реализовывался в виде ограбления, лишения гражданских прав, издевательств, погромов, создания гетто с нечеловеческими условиями жизни, убийств за малейшую провинность. Но обо всем, что творилось на территории рейха, в том числе и по отношению к евреям, советская печать после заключения с Германией пакта о ненападении сообщала более чем сдержанно, кроме того, жизнь научила не очень-то доверять газетам. Одновременно с нападением на СССР начались планомерные массовые расправы над евреями в оккупированных районах. В Каунасе и Вильнюсе, в Белостоке и Львове, в столице Белоруссии Минске тысячи людей были убиты только за то, что они были евреями. Но кто в Климовичах, тогда еще не оккупированных, мог знать о том, что происходит за линией фронта? Слухи, конечно, были, но слухам этим, так же, как и рассказам польских беженцев, не очень доверяли. Больше всего верили собственному опыту и рассказам бывалых людей. А воспоминания о немцах со времен Первой мировой войны были самые хорошие. Кузнец Иосиф Чертков, например, не только вернулся из плена живой и здоровый, но еще и привез с собой всякого добра. Медник спиртзавода Миндлин еще до революции несколько раз бывал в Германии и отзывался о немцах, как о честных деловых людях. Да и в самих Климовичах жило несколько немецких семей, и ничего страшного, необычного в этих людях не было.

Много повидав на своем веку и до революции, и при советской власти, некоторые не слишком боялись нового немецкого порядка и рассуждали так: "Мы не политиканы, немцы нас не тронут".

Второй причиной, по которой евреи не эвакуировались в первые дни войны, было то, что никто не представлял себе реальности происходящего, никто не думал, что фронт так быстро двинется на восток — ведь врага предполагалось "бить на его территории".

М.Г.:

— Брат, когда уходил на фронт, говорил: "Вы никуда не эвакуируйтесь, прогоним фашистов и вернемся".

Дора Стукало:

— Мы сначала не эвакуировались, потому что думали, что немцев задержат на Днепре. И лишь кое-кто догадывался, что это будет за война и что такое немецкая оккупация.

Шифра Черная:

— Старший брат Лазарь, который был математиком, уходя в армию еще до 41 года, сказал: "Пощады от немцев не ждите. Как начнется война — уходите. Как угодно, пешком — уходите". Сам он потом погиб на фронте.

И, наконец, третьей причиной задержки с эвакуацией было то, что в городе почти не осталось молодежи. Кто уехал учиться или работать в большие города (многие вынуждены были это сделать, так как были "лишенцами"), кто был в армии.

Так, в семье Стукало из семи детей трое братьев были на фронте и со стариками оставались только девочки: 13-летняя Бела, 11-летняя Рахиль и невестка с грудным ребенком. И в нашей семье дома из восьми детей оставались только младшие: Рахмиел и Мордхе, 14 и 8 лет. Кроме отца на фронте были и трое его братьев. Бабушка плакала, что некому помочь эвакуироваться.

29 июня немцы заняли Минск. В Климовичи эвакуировалась редакция газеты "Советская Белоруссия" — здесь войны еще не было, только в районе вокзала упало несколько бомб. Но вот в начале июля местных жителей стали мобилизовывать на оборонные работы под Кричевом. Кричев — это соседний райцентр, расположенный в 20 км. к северо-западу от Климовичей на шоссе Варшава — Рославль — Москва. К комсомольцам заходили из райкома, к остальным — из горсовета: "От вас один человек на окопы!". Жить нужно было прямо на месте работы. 10 июля Кричев начали сильно бомбить, люди стали проситься назад к семьям, их отпустили, и кто пешком, кто на машине вернулись домой.

В городе к этому времени появилась новая волна беженцев, настроение изменилось. Все, кто не хотел попасть в оккупацию, понимали: ехать надо неоткладывая. В исполкоме с 5 июля начали давать направление на эвакуацию, некоторые их брали, но до 10 июля почти никто не ехал.

14 июля на тринадцати грузовиках эвакуировались, по словам одного из шоферов, семьи "парактива и райкомовских работников". Для простых людей было два пути — по железной дороге и на подводах. Не все решались попробовать сесть в один из эшелонов, последний из которых прошел через Климовичи в середине июля.

Дора Стукало:

— Ехать было страшно, эшелоны обстреливали, и с открытых платформ снимали по 150-200 человек убитых и раненых с одного эшелона.

Опасность таилась не только в обстрелах.

Мария Левертова:

— Мы с двумя маленькими детьми Вовой и Аней поехали на открытой площадке без крыши, без ничего. Ехали долго и медленно, потому что пропускали военные эшелоны. В нашем эшелоне были не только люди, но и техника. Среди тех, кто ехал, русских я не видела — одни евреи, в основном из Костюковичей. Мы ничего не знали, куда нас везут, никаких бумаг у нас не было. В пути было страшное дело — началась эпидемия. Стало плохо моей девочке, я ее тогда еще грудью кормила. Мы все сошли, вся семья наша. Обратиться было не к кому — маленькая станция, один домик. И девочки нашей не стало. Похоронить ее не

* Еврейское местечко в 30 километрах от Климовичей

было никакой возможности. Там был такой сарай и туда носили мертвецов — женщин, мужчин, стариков и детей — все равно, как дрова. Их снимали с проходящих эшелонов. Холод, дождь, открытые платформы — многие не выдерживали. На следующий день сын, ему 6 лет было, спрашивает:

— Мама, где Анечка?

— Скоро придет.

— Нет, мама, наша Анечка не придет. Она умерла, и я скоро умру.

Когда мы приехали на место, в Кустанайскую область, ему стало плохо. Пока бежали за врачом — его не стало. И у остальных, у кого были маленькие дети — у кого двое, у кого трое — все дети поумирали. Потом мы узнали, что это дифтерит.

Понятно, что многие старались уехать на своем транспорте. Покупали, доставали лошадей, уезжали даже на коровах. К началу августа евреев в городе почти не осталось, кроме двух-трех стариков. Уехали даже такие, как Мойше Натапов, который вначале не собирался и говорил о немцах: "Они тоже люди".

Бася Шапиро:

— Папа работал в магазине, в семье было 7 девочек и 1 мальчик. Сразу не эвакуировались, жалели оставить дедушку Янкив-Эле Миндлина, который ехать не хотел. Но 10 июля пришел папа и говорит, что были у него из райкома или откуда-то и сказали, что немец идет штурмом, что, мол, у тебя взрослые девушки и надо эвакуироваться. "Ты бережешь стариков, — сказал он маме, — так ты увидишь, как немцы издеваются над твоими дочками". Потом целую ночь караулил и, когда начальство пицеторга, разобрав казенных лошадей, погрузило свои семьи и собиралось ехать, посадил на каждую телегу по дочке и мы поехали. Добрались до Хотимска и решили переждать. Там было тревожно, но войны не слышно, и мы там сидели недели три.

В Хотимск, тоже еврейский городок в 50 км к юго-востоку от Климовичей, везли все пути. Здесь собрались сотни еврейских семей не только из Климовичей и окрестных местечек — даже из Гомеля и Минска.

Тут не было железной дороги, всего один маленький завод, и многие думали переждать войну.

Бася Шапиро:

— Жили мы в школе, валялись на полу. Сидели и ждали, пока немцев отгонят, чтоб вернуться в Климовичи. Был уже август, стало холодно, дети раздетые. Мы вместе с Малкой Кац решили съездить на ее лошади в Климовичи за вещами, не зная того, что уже все похищено. Еще от Родни увидели над городом зарево. Въехали в самый пожар, но немцев еще не было. Переночевали, слышали сильную артиллерийскую канонаду. Пришли к деду Янкив-Эле, он сидит и плачет — думал, мы все погибли. С нами все равно не поехал, потому что это была суббота. Куда делись все евреи, он не знал. Пошла к себе в дом — а там уже ничего нет, только в ящике с грязным бельем нашла кое-что. Растащили все, даже банки с вареньем. Встретила Козловского, он потом стал начальником партизанского отряда.

— Бася, что ты здесь делаешь?

— За вещами приехали.

— Давай быстрее, немцы у лечебницы!

Обратно уже не пропускали — минировали дороги. Кое-как все же добрались до Родни, ночью заехали в лес отдохнуть до утра. Вокруг было много народу. Люди в лесу не особенно спешили, варили еду на кострах — ну прямо как на даче. Мы же погнались дальше и дня через три кружной дорогой приехали в Хотимск. Там уже никого не

* Деревня в 16 километрах от Климовичей

было, кроме бандитов, от которых мы еле вырвались. Через неделю догнали своих. Куда ехать, мы знали, потому что папа писал на всех стенках и перекрестках куда они едут.

От Баси я узнал, что в лесу под Родней она видела и мою бабушку Риву с детьми. Как и большинство климовических евреев, они стали эвакуироваться слишком поздно. Если бы они могли только знать в то воскресное утро 10 августа, что нужно бросить все как угодно, хоть пешком бежать не на восток к Хотимску, а на юг, в сторону станции Бельниковичи за Костюковичами. Там они могли еще успеть на последний поезд. Именно туда посчастливилось добраться Рае Линьковой и Леве Кацу, которых отвез из Климовичей на своей лошади Карп Иванович Комков. Они переночевали неподалеку в деревне Каничи у его сестры Марии, она напекла им в дорогу хлеба, и на завтра сели в последний эшелон.

Не успели эвакуироваться даже многие из тех, кто выехал из Климовичей в середине июля и доехал до Брянской области, — фронт очень быстро продвигался на восток, особенно вдоль шоссе на Москву, которое проходило через Кричев.

Дора Стукало:

— Доехали до Хотимска и решили отдохнуть... Нас гоняли окопы рыть. Потом и там начали бомбить, и мы решили двинуться дальше. В лесу за рекой Инуть было очень много народу, утром была паника, что немцы близко... Когда войска пошла по шоссе, и мы с ними, стали обстреливать из минометов. Мы разбежались, даже детей оставили спящих на подводах, лошадей нескольких убило. Потом вернулись, отвели всех в сторону. Некоторые семьи все же прорвались к Стародубу, несмотря на обстрел, а мы остались в стогах в поле. Среди нас был начальник пожарной охраны Родин. Он подговаривал вернуться обратно: "Раз не получилось эвакуироваться, надо вернуться. Мы же евреи, золотишко кое-какое есть, откупимся". Многие сразу и поехали, а мы нет — боялись из-за сестры Лены, которая была коммунисткой, работала учительницей, все ее знали. С нами были военные, которые уговорили, что девушкам оставаться нельзя. Сначала ушли мои двоюродные сестры с 3-мя военными, а потом мы с Симой Мацковской с 2-мя другими. Со мной очень просился пятнадцатилетний племянник Давид, но муж сестры сказал, что они с ним мужчины, теперь должны заботиться об оставшейся семье.

Лебе Гуревич:

— Перед войной семья наша была шесть человек: жена Груня-Двоше и четверо детей: Ева, Лиля, Мося, и Аня. Меня отправили окопы рыть под Кричев. А когда вернулся, уже был конь, чтобы эвакуироваться — тесть Симон Левант купил. Мы ехали вместе с их семьей, тоже 6 человек. (Двенадцать человек на одной подводе! — Ш.Р.). Груня была беременна, в дороге у нее начались роды. Мы остановились в деревне Пожарь у знакомого Василия Петровича Языменко. Родилась дочь Рая, и через два дня мы двинулись дальше. Доехали до Стародуба в Брянской области. Дело было в субботу. Некоторые из евреев, что с нами были, поехали дальше и остались живы. А тесть был верующий. Он, еще семья Мойше Натапова и еще одного ехать не захотели. У Натапова с собой тэйрэ³ была. Он говорил: "Я ее немцам покажу, и они меня не тронут". И в этот самый день немцы появились. Наши сразу же собрались ехать.

— Как же это вы, — спрашиваю, — в субботу?

— Теперь это срочно, — говорят, — теперь можно ехать.

— Нет, говорю, — теперь уже можно не спешить, это раньше надо было спешить.

* Впоследствии немцы сделали его начальником юденрата в Климовичах.

Натапов немцам тэйрэ показал, так они в ответ дали хорошенько коленкой под зад. Нам всем велели ехать обратно, дали пропуск и даже муки на дорогу. Но это все не потому, что они нас жалели, это такая политика у них была.

Из Стародуба и Хотимска, из Суража и Хутора-Михайловского Брянской области, из соседних деревень Родни и Павловичей возвращались не успевшие эвакуироваться евреи в свои разграбленные дома в Климовичах. Больше ехать было некуда, приходилось выполнять первый приказ оккупантов. Потом появились новые приказы.

А. Л.:

— Сразу же как немцы пришли, был приказ коменданта: кто переступит границу города, того расстреляют, и семью его тоже. Вообще-то уйти можно было, и случаи такие в городе были, но у меня и в мыслях такого не было, чтобы уйти и бросить родителей. Приказ этот был везде наклеен и развешан на стенках. Там было, что туда-то лицам еврейской национальности выходить нельзя, туда-то заходить нельзя...

И взрослых, и детей на рукаве заставляли носить желтые метки — шестиконечные звезды.

Когда мы вернулись в Михалин, нас использовали на всех колхозных работах. Чтобы сохранить на какое-то время здоровье родителей, мне приходилось работать за них две смены, и ночью, и днем. Работой распоряжался Щербаков, которого старостой назначили. Бывший плотник, единственный русский в еврейском колхозе, стал начальником.

Д. Т. С.* (Дейнеко Татьяна Семеновна):

— Евреев гоняли на работу, из своих домов ходить им запрещалось, к ним тоже нельзя было приходиться, за это полагался расстрел. Но мы, дети, все же ходили и носили продукты в семью нашей знакомой Зелды. Сделки все заключали через соседа.

Работать обязаны были все евреи, кроме стариков и детей. Смотрели за работой немцы и русские полицейские. Каждый вечер говорили, куда придти на следующий день. Даже если никакой особой работы не было, заставляли просто улицу мести.

Я пытаюсь представить себе евреев Климовичей, которые подметают мостовую под конвоем своих вчерашних соседей, и не могу. Но это было.

А. Л.:

— Полицейские больше зла причиняли, чем немцы, пока гестаповцы не пришли. Заходили (полицейские — Ш. Р) в дом, все перерывали, золото искали. Я хорошо помню двух братьев Осмоловских. Они первыми в полицию подались.

Свидетели называли мне еще около 20 фамилий Климовических полицейских. На самом деле существовали не только полицейские, но еще и агенты полиции, и всех их вместе было намного больше — один из моих собеседников видел после войны в военкомате соответствующий список, который занимал не одну страницу. Евреи и их собственность оказались вне закона, и все сразу это почувствовали. К Хайморе Хазанову пришел полицейский Микушкин и хотел забрать корову. Хайморе корову не отдал, но пришлось разрешить Микушкину каждый день приходиться ее доить.

В соответствии с общей фашистской доктриной решения вопроса прежде, чем евреев убить, следовало их ограбить, если конечно позволяло время. В Климовичах это время у фашистов было и ограбление началось.

А. Л.:

— Выбрали человек 11 или 12 уважаемых евреев. Они ходили по домам вместе со старостой Щербаковым и говорили, чтобы обязательно сдавали золото и деньги к такому-то числу. А у нас какое золото — картошка да хлеб.

* У нееврейских свидетелей указаны фамилии, имена и отчества, у еврейских — имена или фамилии. В некоторых случаях, по желанию свидетелей, даны трех- и двухбуквенные аббревиатур соответственно.

Среди этих 11 человек был кузнец Мордхе Черниловский, печник Хайморе Хазанов, аптекарь Данович, братья Давид и Айзик Слуцкеры, которых по-уличному звали "борушенятами" по имени их деда Бороха, Янкив Кренгауз, Веля Копылов, Исаак Зак, Красик.

Главным еврейским бургомистром стал бывший начальник пожарной охраны Родин. Высокий представительный мужчина в очках, он считал себя интеллигентом и смотрел свысока на местечковых евреев. Это он уговаривал вернуться, не эвакуироваться — а от немцев, мол, как-нибудь откупимся. Теперь эта возможность была ему предоставлена. Выполняя немецкий приказ, он собирал не только деньги, но и ценности, теплые вещи, носки, рукавицы. Главное же, конечно, золото.

Еврейское золото! Ни Сталину, ни Гитлеру не давало оно покоя. Они были уверены, что у каждого еврея, даже самого бедного, есть золото. А про богатых — и говорить нечего. Сколько мучений и пыток породила эта легенда! Рядом с Климовичами в еврейской деревне Карпачи озверелые полицейские долго издевались над 14-летней девочкой-красавицей Ритой Гафт, дочкой председателя колхоза: "Показывай, где отец закопал золото!"

По всей видимости, немцы остались недовольны тем, как медленно идет ограбление. В конце августа выбранные 11 евреев вместе с Родиныным были арестованы как заложники. Несколько дней их держали в тюрьме. Потом повели расстреливать на еврейское кладбище.

Валентина Александровна Стельмакова.

— Где сейчас магазин, по Коммунистической улице мы жили. Наш дом был угловой, самый последний. Соседи были евреи, Мордух его звали. Помню, как отец всегда с уважением здоровался: "Здравствуй, Мордух!"... Видно было, как Мордуха и всех остальных вели на расстрел на кладбище, как их туда завели. Соседка пришла к нам — и руки ломает, плачет. Забор был не частый, с промежутками и нам из сарая было видно, как они копали для себя яму. Небольшая группа была, человек 10. Расстреливали полицаи. Был один немец, он приказывал, они делали.

Глядя, как ловко управляется лопатой Хайморе Хазанов, немец спросил:

— Вер из дер алтер ман?⁴

— Кирпичник, лопаткой хорошо работает, — объяснил полицейский Микушкин.

— А, моер, — нит шиен⁵, — и Хайморе отошел в сторону.

Веля Копылов вынул из кармана деньги и бросил ему:

— Гиб он дер вайб⁶.

Но полицейские деньги схватили.

А. Л.:

— Заставили раздеться догола, по одному к яме подводили и расстреливали.

Одежду убитых Хайморе приказали отнести в полицию. По дороге одна еврейка взяла часы убитого мужа. Потом встретился русский и говорит: "Хайморе, вернись обратно", — мол, твое место там, в яме.

После расстрела заложников многие, видимо, думали о том, чтобы уйти. Ушли немногие. Но ни у кого нет права обвинять тех, кто остался, в нерешительности. Страшный выбор нужно было сделать. Или голодная, подневольная, но все же жизнь в Климовичах — ведь слухам о массовом поголовном уничтожении мало кто верил. В сознании нормального человека это не укладывалось, чем умело пользовались фашисты.

Или, в случае побега, почти верная смерть для оставшихся беспомощных родных, для себя же — скитания по окрестным деревням, где тоже есть полицейские, и все сразу поймут, что ты еврей; скитания по холодному осеннему лесу, где есть не только партизаны, но и бандиты. Да и партизаны тоже бывали разные.

Лейбе Гуревич:

— Стою я раз на посту в партизанском отряде вместе с одним русским. К нему подошел один из другого отряда и спрашивает: "А что, у вас еще евреи ведутся в отряде? У нас их нет. Когда появляются, мы отправляем их так, чтобы они уже не возвращались". А в нашем отряде евреев много было, человек 20 из 100.

И все же попытки уйти были, но обычно они кончались трагически. В 10 км от Климовичей есть маленькое местечко Хотовиж.

К. Х.:

— Двоюродный брат Соркин Григорий у меня там жил, жена у него была еврейка из деревни, двое детей. Он пришел, видимо, из окружения и они решили удрать. Но по дороге в деревне Ходунь один полицейский их расстрелял. Без немцев, сам. Сначала детей, потом брата. Раздеться велел, а одежду потом спрятал... Русские, что из окружения вышли, там где-то прятались и видели, как он вытащил моего брата из-под моста и расстрелял. И его, и жену, и детей.

Вернулся в Климовичи к детям и русской жене Татьяне Немкиной Григорий Фельдман.

Татьяна Федоровна Немкина:

— В августе из окружения пришел муж. Он сидел у нас под полом. Потом дом у нас отняли, мы поселились на кухне, а ему пришлось перебраться на чердак. Деваться было некуда, и мы решили отвести его в Хотимск, там начинались леса, и в лесах были не партизаны, но так — группы. Детей я оставила и дошли мы с ним до деревни, кажется, Воськовка. Ночевали там у одной женщины, просим ее: познакомьте с кем-нибудь. Она сказала, чтоб муж оставался, а я шла домой. Я не хотела его оставлять, но он тоже гнал: "Иди к детям, я мужчина, мне проще". Через пару недель опять пришел домой, голодный — никого и ничего не нашел. Опять его прятали на чердаке месяцев 9-10. Сидеть надоело, к лету он опять говорит: "Я уйду — и все". Отец ему сказал: "Ну что ж, Гриша, чарка одна на всех".

Около банка была тюрьма, где жили евреи-мастера, что на немцев работали. К ним пришел мужчина-посыльный, кажется, от отряда "За Родину" и стал говорить с отцом, что надо освободить этих евреев, и намекал на мужа — знал, что мы его прячем. Григорий вышел, вступил в разговор. Утром встаем — Гриши нет. Рядом жил Мешковский, полицейский. Пришел и говорит отцу: "Ваш Григорий в тюрьме и такие страдания вынес, что лучше бы он повесился". Я побежала к тюрьме, но от тюрьмы гонят, передачи не принимают.

Их расстреляли на Выдринке, человек 10-12 положили, мы с сестрой пошли туда, они как дубы лежали. Мы стали ковырять землю палками, чтобы их засыпать. Оказалось, что место охраняется, и нас с Тamarой отогнали.

6 ноября 1941 года. Этот день навсегда останется самым страшным в истории Климовичей.

А. Л.:

— Утром отец сказал, что уже известно про расстрелы. Расстреляли 3 семьи в Михалине прямо в домах. Семью Левиковых — два старика там было, Левенчиков — тоже два пожилых человека. А третья семья — четыре человека. Жена была парализована, ноги и руки больные. Ее расстреляли, мужа, а дети под кровать запрятались, их оттуда вытащили и тоже расстреляли.

К нам зашел староста и сказал, что мне идти работать на спирт завод. Отец сказал: "Хорошего ничего не одевай. На работу идешь, мало ли что". Я одела пальто чуть

* Интервью у Т. Ремкиной взял Д. Романовский

В конце 50-х годов на братской могиле 900 евреев на окраине Климовичей, за больницей (ныне ул. Березовая), родственниками погибших был установлен скромный памятник с маген-давидом и надписями на идиш и по-русски. (Фото И. Певзнера. Климовичи, 1963 г.)

приношенное, валенки с калошами, платок — это уже осень была. На всякий случай попрощались, конечно. Они считали, что меня уже не будет в живых.

Но первыми жертвами оказались те, кто остался. Как только молодых увели на работу, полицейские под командованием немцев стали выгонять стариков и детей из домов. Приказано взять теплые вещи и ценности. Некоторые евреи все еще не понимали, что происходит.

Анна Воронова:

— Хая Натапова зашла к соседке Румянцевой за внуком Ароном с детским пальто и теплой шапочкой: "Нас куда-то отправляют".

Некоторые пытались спрятаться.

Галина Михайловна Гвоздерова:

— Одна еврейка работала провизором в аптеке. Мужа у нее взяли в числе первых заложников. Во время облавы 6 ноября она вместе с маленьким ребенком бросилась в колодец на углу улиц МЮД и Социалистической. Но ее достали и погнали на расстрел. А еще двух ее детей, трех и пяти лет, убили прямо в доме.

Галя Стукало тоже бросилась в колодец вместе с грудным сыном Мишей и погибла там. Над городом стоял "вык" (вой, плач — по-белорусски). Со всех сторон гнали группы евреев к гаражам около больницы. По-разному смотрели на все это русские соседи. Одни с сочувствием, другие — с любопытством, и с готовностью помогали полицейским.

Наталья Гавриловна Николаева:

— Конечно же, наши выдали соседа деда Евеля. Жена моложе его была, ходила на работу. Дом снаружи запирался и был еще один черный ход на огороды. Кто мог знать про это? Только наши.

Некоторым не терпелось поживиться: Дуня Пусенкова побежала к Циле Стукало и сорвала с ее головы белый шерстяной платок.

Полина Александровна Стельмакова:

— Гараж, куда всех евреев загнали, находился за больницей перед мостиком по дороге в Павловичи. Там, в гараже, полицаи с немцами их ощупывали, вещи лучшие искали у них.

Тот же памятник на могиле евреев в Климовичах, что и на предыдущей фотографии, через 25 лет. Белое пятно в верхней части памятника — след от маген-давида, сбитого по распоряжению местных властей в 1967 году, после Шестидневной войны. Местным евреям было объяснено, что следует убрать этот "фашистский знак". (Фото автора. Климовичи, 1988 г.)

За речкой Калиницей на окраине Климовичей у старого аэродрома напротив деревни Долгая Дубрава была врыта в землю огромная цистерна для горючего. Незадолго до войны ее куда-то увезли. Осталась огромная яма. Эта яма стала братской могилой для евреев города. Очередь на расстрел протянулась от гаражей через мост и вверх по дороге до самой ямы. 900 человек⁷. Я говорил с женщиной, которая видела эту очередь. Вокруг чистое поле. Бежать некуда.

К. П. Т.

— Во время войны жила в Климовичах, около Пролетарской улицы. Из окна своего дома я видела, как евреев ведут на расстрел по улице, и видела, как подходили к яме и падали туда. Выстрелы слышались отдельные, как из винтовок. Расстреливали полиция и немцы. У меня ребенок был грудной, мне плохо стало, и мать смотреть не дала, отогнала от окна.

Расстрел длился целый день. Привели и тех, кто с утра ушел на работу.

Полина Александровна Стельмакова:

— Говорили, что эсэсовцы сами не стреляли, полиция стреляла. И один пленный рассказывал, как закапывал их. (Они попали в плен, раненные были. В больнице их подлечили и отпустили по бабам, кто попросился. Работали они кто где). И вот он рассказывает, что страх один был. Кровь. И как закопали, так могила поднималась. Там и живые люди были в могиле.

Еще мне рассказывали, что, когда яму закрыли, кровь текла по земле. Что детей убивали лопатами.

Всякий раз, когда я ездил в Климовичи, на третий или четвертый день после всех этих рассказов со мной случалось одно и то же. Идешь теплым августовским вечером по тихим улицам, и вдруг понимаешь, что на каждом шагу здесь кровь. И к горлу подкатывает комок, и хочется все бросить и не идти завтра к новым людям, не задавать все те же звенящие в голове вопросы: как убивали евреев? кто убивал евреев? где убивали евреев? Хочется сесть в поезд и вернуться домой. А когда, закончив начатое, наконец возвращаешься, первое время почему-то очень тяжело смотреть на своих детей...

Уцелел ли кто-нибудь из евреев, которые были в Климовичах в тот день? Да, уцелели. Кроме нескольких портных и сапожников, которых немцы сами оставили в живых, еще примерно 80 человек. Почти каждый десятый. Это при том, что не все еще понимали, что их ведут на смерть. Слушая рассказы о пытавшихся спастись, я вспоминал еще об одной легенде: евреи не прятались, не убегали, а покорно и безропотно давали себя убить.

Нине Козловой было тогда всего 10 лет.

Нина Козлова:

— В день, когда всех расстреливали, папа и сестры пошли на работу, а мы с мамой и братиком были дома, потому что мама, как кормящая мать, на работу не ходила. Когда мама услышала, что евреев собирают, она вместе со мной спряталась в сарае на огороде. Когда братик хотел плакать, мама затыкала ему рот. Там мы пробыли до темноты, а потом ночами добирались до деревни Сколин Костюковического района, откуда мама была родом.

Были попытки спастись и во время самого расстрела. Фаня Маневич убежала из гаража, где евреев держали, пока готовили яму.

Иосиф Маневич:

— Мать уловила настроение одного пожилого немца (охраняли немцы и полиция по очереди, когда дежурили полиция, пройти было не возможно), и сумела упрямить выпустить ее. Он пропустил ее между винтовкой и рукой.

Монес Хазанов:

— Вместе с Маневич убежала моя сестра Маня, но ее потом поймали и вернули обратно, а Маневич убежала.

Иосиф Маневич:

— Прибежала мать домой на Социалистическую улицу и увидела соседку Надьку Забело, которая забирала их вещи. Та отупела от удивления — ведь все уже должны были быть расстреляны. Мать говорит: "Надя, бери, все твое, отдай мне только этот шерстяной платок — может, в лесу ночевать придется". — "Ну ладно, бери, Маневичиха", — разрешила Надька, а сама сразу же сообщила в полицию. Но мать успела удрать через сад и огород.

Не все были такими нетерпеливыми, как Надька Забело, ведь вскоре еврейское добро можно было получать "законным" путем.

З. К. К.:

— Еще никогда не забуду, как после общего расстрела немцы все имущество евреев собрали в "магазин", и люди что делали — душились в четыре очереди. В этом "магазине" давали просто так.

Спасти удалось и некоторым из тех, кого уводили на работу.

Этта Натапова:

— Немец с утра погнал нас с отцом на работу на железную дорогу. По лицейские были хуже немцев. С работы отпустили раньше обычного, часа в 3. Домой шли без охраны. Навстречу бежала старуха Стукайло. "Куда вы идете, — говорит, — расстреливают евреев!". Она заскочила к знакомым, а мы в город не пошли, переночевали в поле. Под утро пошла узнать к соседке, в чем дело, она в дом не впустила меня. Мы пошли в баню. Пришла другая соседка, вынесла кусок хлеба, сказала, что евреев расстреляли, и чтоб мы уходили оттудова. И мы ушли. Вторую ночь были в сарае, на сеновале. Хозяева нас поймали, подняли шум. И покойный папа снял с себя костюм и отдал этому, чтобы он молчал и пустил нас идти. И мы пошли. По полю, по лесу, как могли.

Однако для большинства евреев спасение 6 ноября было только отсрочкой. Их ловили и собирали в маленьком домике около тюрьмы, которая помещалась в здании банка.

Работал до войны в магазине и почти со всеми в Климовичах был знаком брат моей бабушки Авром-Ошер Белинов, Авром-Ошер дер гинкедикер.

Этта Натапова:

— Он спрятался под печкой, его вытащили и били крепко за то, что прятался. Затем отвели к тюрьме. Его дочь Злата тоже спряталась во время расстрела. Сосед Орехов на следующий день увез ее куда-то на телеге. Потом вернулся вместе с вещами один. То ли сам убил, то ли немцам сдал.

Иногда кошмар пережитого парализовывал.

Наталья Гавриловна Николаева:

— Был кузнец хромой, Хаим его звали. Так его с дочкой сразу взяли. Повели на работу и они не вернулись. А жена с маленьким мальчиком осталась. И была в окопе. Ей говорили: "Ходи переночуй и уходи!" А она — нет: "Они здесь умерли, и я здесь умру". Ну и вывели в конце концов.

Привели к домику около тюрьмы и пятнадцатилетнюю еврейскую девочку А. Л. из Михалина.

А. Л.:

— В тот день нас на спиртзаводе работало человек 50. Обычно приводили нас к месту работы полицейские, а присматривали немцы. Когда мы закончили рабо-

* Хромой (идиш).

ту, один молодой немец отозвал меня, двух моих двоюродных сестер и еще двоих девушек, дал нам всем пятерым по булке хлеба и говорит: "Домой не ходите, потому что ваших родных уже нету. Идите куда глаза глядят, мы вас не видели и не знаем. Идите, если хотите жить". Я говорю остальным: "Вы как хотите, а я должна своими глазами все это видеть". И когда стемнело, я пошла. Со мной пошли двоюродные сестры Люба и Бася и еще одна девушка из верующей семьи. Они все были намного старше меня, но шли все за мной следом, приходилось руководить ими. Говорила я им, чтобы не ходили за мной — может, мы по отдельности скорее уцелеем, но они за мной уцепились: "Куда ты пойдешь, туда и мы". Спиртзавод был далеко за городом и мы по пути переночевали в пустом доме. Утром пошли дальше, но не по дороге, а полем, потому что снег выпал и следы было видно. И вот этот самый полицейский Осмоловский на коне догнал нас и над самым ухом у меня выстрелил, так что перепонка барабанная лопнула. В молодости еще не ощущалось так сильно, а с возрастом все хуже и хуже. И кричит мне: "Веди! Вы жили зажиточно — где у вас там золото?" И пошли мы домой в Михалин, он верхом ехал и подгонял. Зашли в дом, в печке еще хлеб остался печеный. Я ему яму с картошкой открыла и говорю: "Вот наше золото". А он прикладом размахивает. И погнал нас обратно в город к немцам. Остальные девушки взяли кто одеяло, кто булку хлеба, я ничего не взяла. Привел к немцам, чтоб они еще посмотрели, где у нас золото припрятано. В комендатуре нас обыскали, а потом отвели туда, где всех согнали, кого не успели расстрелять, — в дом напротив скверика, около старого банка. Комнатушечка там была битком набита людьми. Кто молится, кто плачет, кто волосы рвет на себе. Охраняли нас полицейские. Бросали булку хлеба на всех, как собакам. Гоняли на всякие работы — снег, например, чистить. Через 3-4 дня всех рассортировали по разным работам. Нас поселили в каком-то большом доме, который освободился, — там тоже евреи жили. Ничего там в доме уже не было, мы ночевали на голом полу. Сколько человек было — не помню, но пол был весь занятый. Ночью никто не охранял, только сказали, что расстреляют, если кто уйдет. Утром приходили, считали сколько человек и говорили, кому куда идти работать. Мне работать выпадало все время у пожарной. Я коров доила, молоко процеживала, пол мыла. Были там немецкие офицеры, и чехи, и другие национальности. Чехи молодые говорили мне:

- Девушка, что ты не убежишь? — все равно вас расстреляют.
- Куда я побегу, — говорю, — Родителей нет, всех расстреляли — куда мне бежать.
- Ты ж молоденькая такая, тебе жить и жить. Мы тебе хлеба дадим, и то, и то...
- Не надо мне ничего. Хлеба давайте мне кусок, а бежать я никуда не буду.

Внутри было абсолютное безразличие и такое душевное охлаждение. Плакать я не могла, слез не было. И не оплачешь этого. Все окаменело, заледенело.

Раз послали меня вместе со всеми снег расчищать около садика. Голодные мы были, как собаки. И хотя кругом и немцы, и полицейские стояли, мать Гали Гвоздериной, Надежда Николаевна, не побоялась, подошла и дала мне большой кусок хлеба с маслом.

А потом получилось так. Собрали нас всех и послали мыть и убирать большой дом рядом с Социалистической улицей. Сказали, что приедут какие-то чины, офицеры. Были среди нас и молодые, и пожилые, детей не было. Кто мыл, кто убирал. А потом кто-то сказал, что эсэсовцы едут нас расстреливать. И тут откуда-то взялась жажда к жизни. Когда я после войны приезжала первый раз, я все смотрела — как я смогла преодолеть такой забор. Через улицу и через этот высокий забор я заскочила в чей-то чужой огород. И там оказался туалет. Ни той улицы, ни дома — ничего у меня в памяти не осталось. Только туалет. Они тоже следом за мной — две моих двоюродных сестры и четвертая девушка, что раньше с нами бы-

ла. Я говорю им: "Только в туалете наше спасенье. И не закрывайте дверки!" Вспоминаю другой раз и кажется: или я где-то вычитала, или мне такой сон приснился? Откуда у меня это все бралось, эта решительность такая, сообразительность. Может, оттого, что я много читала?

Когда всех после работы собрали и стали пересчитывать, чтобы отвести на меловую гору расстрелять, увидели, что нас не хватает. И этот самый Осмоловский стал бегать везде по окрестностям нас искать. И получилось так, что он зашел в этот самый двор, где мы были. И подошел к туалету и opravился. Дверь была открыта, и он внутрь не зашел, и это было наше спасение. Мы по углам стояли, я им сказала, чтоб не дышали. Такой это был момент между смертью и жизнью. Сделал он свое дело и ушел. Мы простояли в этом туалете до темноты. Потом пошли к Гале Гвоздериной. Она член партии, Галина мать, и тетя ее Рая тоже партийная у них была. Галя потом ушла в партизанский отряд. Они нас прятали в картонной яме под полом. Накормили и попросили, чтобы мы чуть ли не дышали там. Ну, конечно, кому это охота рисковать жизнью? Все знали, что за укрывание евреев могут расстрелять. Утром Галина мама сказала: "Я, знаешь, люблю тебя и уважаю, и жалко мне тебя от души... Была бы ты хоть одна — я бы, может быть, день там, день там бы тебя как-нибудь спрятала. И кто знает, сколько прятать..." Дала нам с собой продуктов и показала дорогу на Карпачи. "А там, — говорит, есть евреи, может, они и подскажут, может, в леса куда уйдете. Но если ты живая останешься, чтоб ты обязательно объявилась". Они дали мне вторую жизнь, собственно говоря. Поддержали в такую трудную минуту.

Всех остальных евреев действительно повели на расстрел на меловую гору. Всех, кого сумели поймать после 6 ноября. Меловая гора — это, на самом деле, не гора, а место на окраине Климовичей недалеко от речки Лабжанки, где когда-то был известный холм. От него уже ничего не осталось, потому что за многие годы всю известку выбрали. Обжигали ее в ямах...

Это было в двадцатых числах ноября. Их ввели через весь город по Советской улице. Галина Михайловна Гвоздериной:

— Там несколько было женщин молодых, красивых. Женщины с маленькими детьми были. Еще одна была, которая говорила, что у нее ребенок от поляка. А немцам было все равно, всех забирали. Бэрл Энтин, Симон Левант, Бэла Вассанская с двумя маленькими детьми... Был там и Авром Ошер Белинов.

Лейбе Гуревич:

— Он шел и сзади держал фигу. Русский спрашивает его: "Абраша, что ты держишь фигу?" А он отвечает: "Это потому, что нас сразу расстреляют, а вас потом не только расстреляют, но еще мучить будут перед этим".

Не совсем так получилось после войны. Не всех бывших полицейских-убийц направили в штрафные батальоны, и они вернулись героями.

После расстрела на меловой горе евреев в Климовичах не осталось нигде, кроме маленького гетто евреев мастеров в домике около тюрьмы. Никто не мог рассказать мне, ни сколько их было, ни когда и где их расстреляли. Скорее всего, в урочище Выдринка в 2 км от города перед отступлением немцев в 1943 году. Известно лишь, что среди них инвалид с одной ногой сапожник Индин с семьей.

Появлялись иногда возвращавшиеся домой из окружения евреи-солдаты. Так мало было домов, в которые можно постучаться. Так же, как и Григория Фельдмана, расстреляли Якова Каца и учителя Перчина. Долго прятался в деревне Абрам Суранович, внешне не похожий на еврея, но расстреляли в конце концов и его. Больше других повезло Иче-Борэху Карасю: соседки Азарова и Логвинова не выдали его, он попал в партизанский отряд и пережил войну.

*Памятник на братской могиле на еврейском кладбище в Климовичах на месте расстрела заложников. Сюда же, после войны были подхоронены евреи, расстрелянные на "меловой горе". У памятника — Борэх-Цодик Рывкин, ветеран войны. Он приехал в день тишебов "оф кейвер овэс" на могилу родителей и братьев.
(Фото автора. Климовичи, 1986 г.)*

В июне 42 года из далекого Бельничского района пришла в Климовичи внешне не похожая на еврейку девушка Г. М. Работала в столовой, дожидая до конца оккупации. Г.М.:

— Я боялась. На базаре один раз увидела девушку, которая меня знала, и 2 недели не могла уснуть, боялась, что она меня заметила. Один миг: сказал бы кто-то, даже не доказал, а сказал: "Вот еврейка" — и все.

В моей жизни большую роль сыграла моя внешность. Хорошо еще, что Климовичи рано освободили, а то я б разрыв сердца получила. Я приспособливалась. Боялась разговаривать с немцами, потому что немец, который понимает, мог уловить еврейский акцент — разницу между "брейт" и "брот".

Пока я шла по Белоруссии, у меня было такое ощущение, что евреев вообще не осталось. Все везде говорили: в армию их не берут, в партизанах убивают, немцы их расстреливают.

Казалось бы, все уже. Некого больше вылавливать и расстреливать. Но нет, весной 1943 года в Климовичах снова появились черные мундиры эсэсовцев, и разыгрался последний акт трагедии геноцида. Чувствуя скорое отступление, фашисты спешили окончательно "решить еврейский вопрос".

В соответствии с Ванзейскими протоколами, принятыми на совещании у Гитлера в январе 1942 года, правом на жизнь среди лиц с примесью еврейской крови обладали только те, кто имел особые заслуги перед рейхом. Ни у трехлетней Раечки Курбацкой, ни у шестилетнего Гриши Берлинского, ни у других детей от смешанных браков в Климовичах ни каких заслуг перед рейхом не было. Вместе с русскими матерями в апреле 43 года их собрали в тюрьму.

Полина Александровна Стельмахова:

— Сначала в общей камере сидели вместе с детьми. Нас, женщин русских человек 10 было, цыганки еще сидели 3 или 4. А детей много было, человек 50, их собирали по всему району. Некоторые без матерей. Нас должны были отправить в Германию, а детей, сказали, отправят в Варшаву.

Единственным способом спасти ребенка было доказать, что он не от мужа-еврея. Немцы требовали подписи 20 свидетелей.

Гвоздерова Галина Михайловна:

— У комсомольца Берлинского жена была русская и двое детей: девочка лет 7, вылитая мать, и мальчик лет 6, похожий на отца. Так подписи собирали, что дети не от него. И на мальчика, и на девочку. И все, кто их знал и не знал, подписи давали. Но списки с подписями перечеркивали и швыряли в лицо. Мальчика все равно забрали, а девочку — нет.

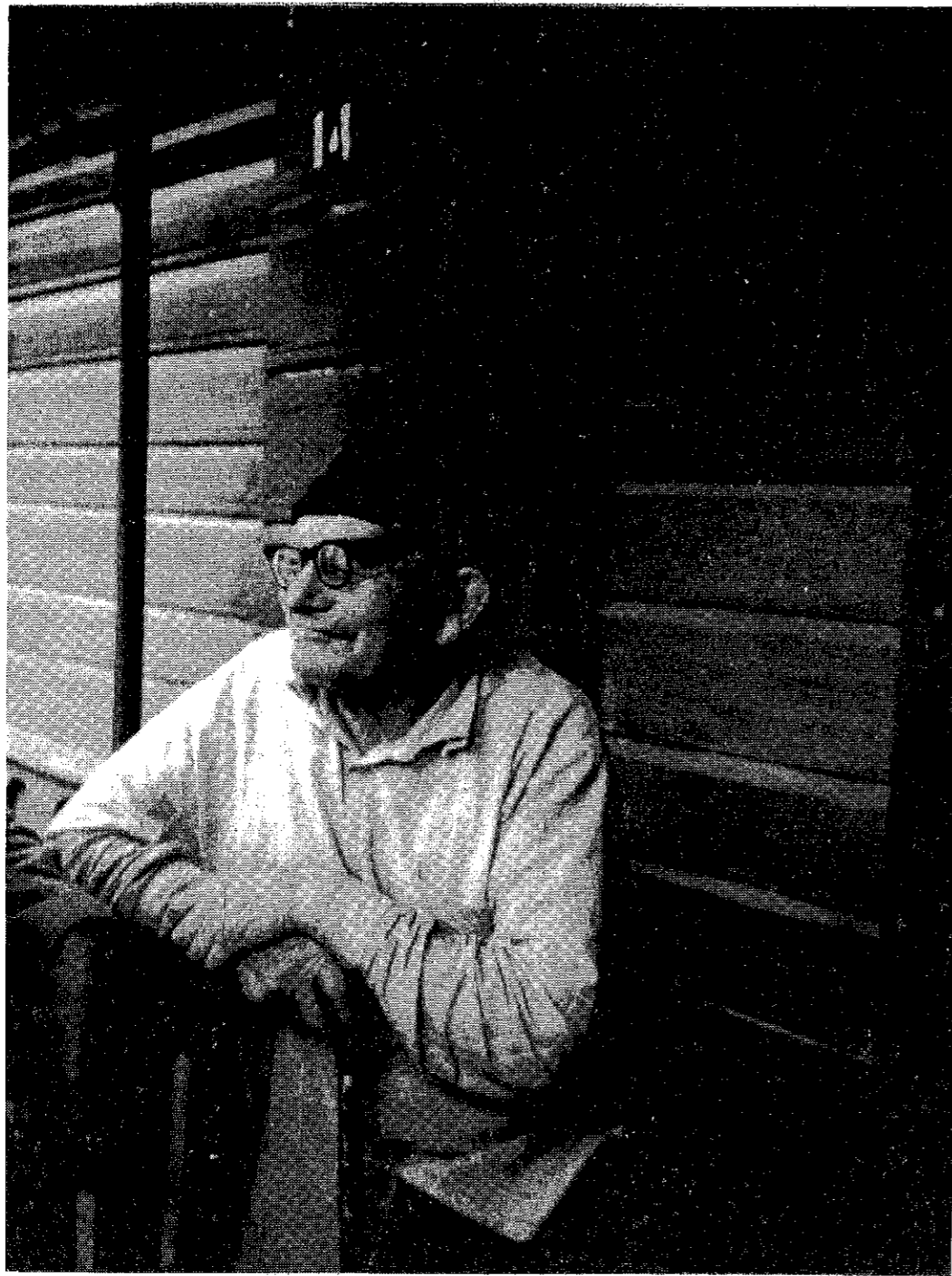
Одну из двух дочерей еврея Бориса Чемоданова признал своей полицейский Агеев. Галина Борисовна Чемоданова:

— Тамара была черненькая, похожа на отца, а я на мать, светлая. Как-то мы у знакомых играли, вдруг мать прибегает: "Пошли". Староста, два немца и полицейский посадили нас на подводу и привезли в тюрьму. Мама наша была рукодельница, одела нас одинаково: юбки в складку, блузки вышиванные и платки-кашемирки. А потом Тамару увели, а нам сказали, чтобы мы уходили. Когда мы уходили, я спрашивала: "Почему Тома с нами нету" — а мама плакала. Потом рассказывали, что родственники уговорили полицейского Агеева сказать, что я его дочь.

О том, что у Татьяны Немкиной муж еврей, знали все.

Татьяна Федоровна Немкина:

— Я просила у полицая Гомолко спасти моих детей, говорила: "Чем дети виноваты?". Гомолко ответил: "Нет, на развод мы жидов не оставляем, их всех надо уничтожить, и вас в том числе".

Сегодня в Климовичах евреев почти не осталось. Один из тех, кто до последнего времени поддерживал тлеющий уголек еврейской жизни — это 90-летний Зелик Суперфин, бывший председатель еврейского колхоза "Найес Лейбен", который считался лучшим в области. (Фото Ф. Френкеля. Климовичи, 1988 г.)

По-разному вели себя матери.
Галина Михайловна Гвоздерова:

— Была еще одна из деревни, что сама принесла ребенка, сказала, что он от еврея и что не нужен он ей. Ее в Германию не отправили.

У Аньки Барановой один ребенок был от русского, а один от еврея. Когда его забирала, она сказала: "Нет! Кто их рожал? Я рожала. Они умрут и я с ними". Забрали и потом расстреляли всех троих.

Осенью 12 апреля все дети от смешанных браков, несколько русских женщин-матерей и все цыганские семьи были убиты в урочище Выдринка.

Полина Александровна Стельмахова:

— Детей убили еще в тюрьме. Может, кровь повыбрали. Женщина в то утро коров пасла на Выдринке и рассказывала: "Грузили их как дрова".

В сентябре 1943 года Климовичи освободили. Началась мирная жизнь, уже без немцев. И без евреев — тысяча мужчин, женщин, стариков и детей навсегда осталась лежать в четырех братских могилах за больницей, на меловой горе, на еврейском кладбище и на Выдринке. Из тех, кто оставался в Климовичах к началу оккупации, спаслись 15 человек: Бела Стукало, Фаня Маневич, Лейбе и Груня Гуревич с дочерью Раей, Хана Козлова с детьми Ниной и Леней, Этка Натапова и ее отец Мойше-Гдалес, Рая Школьникова и две ее двоюродные сестры, Нина Винокурова, Хайморе Хазанов.

Пути спасения были самыми разными: в партизанских отрядах воевали Хайморе Хазанов, Хана Козлова, семья Гуревич; Раю Школьникову удочерил полицейский Ефимов, Нина Винокурова, выдававшая себя за русскую, была отправлена на работу в Германию, оказалась в американской зоне оккупации, вышла замуж за военного и уехала в Америку.

Чего только им не довелось пережить. Тысячи километров, тысячи дней на волосок от смерти.

Двое из климовичских евреев, которым удалось уйти во время оккупации из города и добраться до партизанского отряда — Лейбе Гуревич и его дочь Рая. Мать Раи, Груня-Двойша Гуревич, всегда брала с собой в разведку дочку, которой было тогда меньше года. (Фото автора. Симферополь, 1989 г.)

А. Л.:

— Они даже патронов на детей не тратили. На штык — и в яму. Я видела это своими глазами... Подошла к одному высокому немцу и говорю: "Я не еврейка". Он взял меня за подбородок и вглядывается, прямо ищет черты. Я такого спокойствия набралась и смотрю на него. В этот момент остальные евреи молиться перестали и ждут, чем это все кончится. "Иди", — сказал немец. Никто из евреев меня не выдал.

Лейбе Гуревич:

— Раз в деревню немцы приехали за продуктами. Я потихоньку ушел, тогда они взяли 10 человек русских и говорят: "Если вы того юдэ не найдете — расстреляем". Чтобы они не пропали, я пришел. Но немцы меня не тронули, это они просто боялись, что я партизанам о них расскажу. Шел я к ним спокойно, но потом, когда отпустили, 3 раза проскакал до соседней деревни и обратно — думал уже, что с ума сошел...

...Мороз сильный был. Пошел я по какой-то тропинке искать партизан, а Груня с Расей на руках села на пенек меня подождать. Вернулись мы — Груня белая вся. Оказывается, из лесу волк вышел. Стал на лапах и смотрит. Постоял и ушел.

Пятнадцать человек из тысячи, один шанс из ста. Он у них был и они его использовали.

Перенести все и выжить, несмотря ни на что, помог счастливый случай, помогла собственная воля, помогли русские люди. Как своих принял еврейских детей Нину и Леню Козловых в свою большую семью Павел Аксенович Поздняков, несколько недель прятал семью Гуревичей и Гирша Синицкого Василий Петрович Языменко.

Я не думаю, что Климовичи были каким-то особенным местом, и этот самый шанс был и у остальных евреев. Это значит, что среди нас живы еще те, чьи рассказы должны быть записаны. С каждым годом их становится все меньше, поэтому надо спешить. Надо записывать, даже если у вас нет литературных способностей, — многие из тех, кто мог бы это сделать талантливо, лежат там, в бесчисленных братских могилах.

Люди, которых я спрашиваю, часто не понимают: "Зачем все это писать?" Я отвечаю, что правда обо всем хорошем и плохом, правда обо всем, что было, должна быть записана, чтобы наши дети и дети наших детей смогли прочитать об этом. Все знают, что у народа, забывшем о своем прошлом, нет будущего. Еврейский народ жив. Мы помним все. Мир гедейнкен алц.

Примечания

- 1 Ребе сказал: "Убегайте!" (идиш).
- 2 Хлопаете в ладоши? — Погодите, погодите, будете хлопаться головой об стенку! (идиш).
- 3 Тэйре (идиш) — свиток Торы.
- 4 Кто это старик? (нем.).
- 5 А, кирпичник, — не расстреливать (нем.).
- 6 Отдай жене (идиш).
- 7 Газета "За Родину", №71, 22 июня 1944.